

Илья Муромец и дочь

На славной на Московской на заставы
Стояло двенадцать богатырей без единого.
По них, по славной Московской заставы,
Пехотою никто не прохаживал,
На добром коне никто не проезживал,
Серый зверь не прорыскивал,
Птица черный ворон не пролетывал.
Проехала паленичища удалая,
Конь под нею как сильна гора,
Паленица на коне как сenna копна;
И надета на головушку у ней шапочка пушистая.
Пушистая шапочка и завесистая:
Спереду-то не видать лица румяного,
И сзади не видно шеи белая.
Она ехала, собака, насмеялася,
Не сказала Божьей помочи богатырям,
Проехала в раздольце в чисто поле,
Стала по соловьеву посвистывать,
И стала-то во всю голову покрикивать,
Кличет-выкликает поединщика,
Супротив себя да супротивника:
«Ежели Владимир-князь стольнокиевский,
Не даст он мне поединщика,
Супротив меня да супротивника,
Самого-то я Владимира под мяч¹ склоню,
Под мяч склоню, да голову срублю,
Церных мужичков-то всех повырублю,
Божьи церкви все на дым спущу».
Стоят богатыри, пораздумались.
Говорил-то старый казак Илья Муромец:
«Ай же вы, братья мои крестовые,
Дружинушка добрая, хоробрая!
Стоим мы на славной Московской на заставы²;
По той ли по славной Московской заставы
Пехотою никто не прохаживал,

На добром коне никто не проезживал,
Серый зверь не прорыскивал,
Птица черный ворон не пролетывал:
Проехала паленичища удалая,
Ехала, собака, в глазах насмеялася,
Не сказала Божьей помочи богатырям.
На головке у ней шапочка пушистая,
Пушистая у ней шапочка и завесистая:
Спереду-то не видать лица румяного
И сзади не видно шеи белая.
Ездит-то она по раздольицу чисту полю,
Посвистывает она по соловьему,
Покрикивает она во всю голову,
Выкликает она поединщика,
Супротив себя да супротивника.
Кого же нам послать в раздольице в чистó поле
Поотведати-то силы у поганого?» —
«Послать молода Алешеньку Поповича».
Повыехал Алеша во чисто поле,
Посмотрел на паленицу за 3 сыра дуба,
То не смей он к паленицы и подъехати;
Поскорешенько Алеша поворот держал,
Говорил-то Алеша таковы слова:
«Ай же, братыца мои крестовые!
Хоть был-то я в раздольице чистóм поле,
Посмотрел на паленицу за сыра дуба,
И не смей я к паленицы и подъехати,
И не смел-то её силушки отведати». —
«Послать молода Добрынюшку Никитинца».
Повыехал Добрыня во чисто поле,
Подъехал к паленицы ко удалыя,
То не смей у ней он силушки отведати,
По скорешеньку Добрыня поворот держал,
И приехал он на Скат-гору высокую,
И говорил-то Добрыня таковы слова:
«Хоть был-то я в раздольице чистóм поле,
Посмотрел на паленицу на удалую;
На правóй-то руке сидит соловей,
На левóй-то руке жавроленочек.

Не смел я к паленичище подъехати,
Не смел я у ней силушки отведати»⁴.
Говорил старый казак Илья Муромец:
А на бою-то мне-ка смерть не писана:
Поеду я в раздольице чисто поле,
Поотведаю я силы у поганого».
Садится-то Илья на добра коня,
Поезжает он со Скат-горы высокоя.
Говорил ему Добрынюшка Никитинец:
«Ай же ты, старый казак Илья Муромец!
Поезжаешь ты в раздольице чисто поле,
На этии побои на смертные,
На этии удары на тяжелые:
Нам куда велишь итти, да куда ехати?»
Говорил-то старый казак Илья Муромец:
«Ай же, братьица мои крестовые!
Поезжайте-тко на гору Сорочинскую,
Посмотрите-тко на драку богатырскую:
Когда надо мною будет безвременьянице,
Поспешайте-то, братьица, ко мне на выруку».
Он ехал по раздольицу чисту полю
И подъехал он под гору Сорочинскую,
Сходил там с добра коня богатырского,
И вшел-то он на гору Сорочинскую,
Посмотрел на паленичище удалое:
Ездит паленица по чисту полю,
Ездит паленица в поле, тешится,
Шутит она шуточку не малую,—
Кидает она палицу булатную
Под эвтую под облаку ходячую,
Подъезжает-то она на добром коне,
Подхватит эту паличку одной рукой,
То как лебединым перышком поигрывает;
И не велика эта палица булатняя,
Весом-то она да девяноста пуд.
У старого казака Ильи Муромца
Его сердце богатырское приужахнулось.
Сходил он со горы Сорочинския,
Приходил он к доброму коню богатырскому,

Пал-то он на бедра лошадиныя,
И говорил-то он таковы слова:
«Ай же ты, мой бурушко косматенькой!
Послужи-тко ты мне верою и правдою,
Послужи по старому и по прежнему,
Чтоб не побил бы нас поганый во чистым поле,
Не срубил бы он моей буйной головушки,
Не распластал бы моей он груди белыя
Хоть на бою мне смерть не писана,
Переступит сила через велик закон».

Садился-то Илья на добра коня,
Он ехал раздольицем чистым полем
И наехал паленичищу удалую,
Он подъехал к паленицы со бела лица.
Становили оны коней богатырских,
Оны сделали сговор да промежду собой,
Что разъехаться с раздольица чиста поля
На своих на добрых конях богатырских,
Приударити во палицы булатния.
Разъехались с раздольица чиста поля
На своих на добрых конях богатырских,
Приударили во палицы булатния,
Оны друг друга били нежалухою
И со всея силы богатырския,
И били оны друг друга по белым грудям,
Как под нима были доспехи очень крепкие:
У них палицы в руках-то погибалися,
По макомкам 5 отломилися;
Оны друг друга не сшибли со добрых коней,
Оны друг друга не били, не ранили,
Ни которого местечка не кровавили.
Становили добрых коней богатырских,
Оны сделали сговор да промежду собой,
Что разъехаться с раздольица чиста поля
На своих на добрых конях богатырских,
Приударить надо в копья муржамецкия.
Как разъехались с раздольица чиста поля,
Приударили во копья муржамецкия,
Оны друг друга били по белой груди,

По белой груди, били нежалухою
И со всея силы богатырския;
Под нима доспехи были очень крепкие:
У них копья в руках погибалися,
По маковкам копья отломилися;
Оны друг друга не сшибли со добрых коней,
Оны друг друга не били не ранили,
Ни которого местечка не кровавили.
Становили добрых коней богатырских
И сходили со добрых коней на матушку сыру землю;
Надо биться молодчам им боем-рукошашкою
И отведать надо силушки великойей.
Эта паленичища удалая
Она была зла-догадлива,
Подходила ко богатырю могучему,
Старому казаку Илье Муромцу,
Подхватила-то его на косу бодру6
Издынула выше головы,
И ступила на белую грудь,
И берет свою рогатину звериную,
Заносила руку правую выше головы
И спустить хотела ниже пояса.
Тут по Божьему повелению
Рука правая в плечий застоялася,
В очах у ней свет помущается;
Она стала у богатыря выпрашивать:
«Ты скажи-то мне, богатырь святорусский:
Как-то молодца по имени зовут,
Звеличают удалого по отчеству?»7
На бою-то Илье смерть не написана.
Разгорелось его сердце богатырское:
Как отмахнет свою руку правую,
И сшиб он паленицу со белой груди.
Он скорешенько скочил да на резвы ноги,
Схватил-то паленицу за желты кудри,
Здынул он паленицу выше головы,
Спустил-то на матушку сыру землю,
Ступил он паленицы на белы груди,
Берет свой нож булатный во белы руки,

Заносил он ручку правую выше головы
И спустить ю хочет ниже пояса.
Права рученька его в плече застоялася,
Во ясных очах свет помущается;
Стал у паленицы выпрашивати:
«Скажи-ка мне, паленица, попроведай-ка⁸,
Ты с коёй земли, да ты с коей Литвы,
Как паленицу именем зовут,
Звеличают удалую по отечеству?»
Говорила паленица таковы слова:
«Ай же ты, старая базыга⁹ новодревняя!
Тобе просто¹⁰ надо мною насмехатися,
Как стоишь ты над моею грудью белою,
Во руках держишь кинжалище булатнее!
Есть бы была я на твоей белой груди,—
Пластала бы я твои груди белыя,
Доставала бы твое сердце со печенью,
И не спросила бы ни батюшка, ни матушки,
Ни твоего роду и ни племени».
Берет свой нож булатный во белы руки,
Заносил он ручку правую выше головы
И спустить ю хочет ниже пояса.
Права рученька его в плече застоялася,
Во ясных очах свет помущается,
Стал у паленицы выпрашивати:
«Скажи-ка мне, паленица, попроведай-ка,
Ты с коей земли, да ты с коей Литвы,
Как паленицу именем зовут,
Звеличают удалую по отечеству?»
Говорила паленица таковы слова:
«Ай же ты, старая базыга новодревняя!
Тобе просто надо мною насмехатися,
Как стоишь ты над моею грудью белою,
Во руках держишь кинжалище булатнее!
Есть бы была я на твоей белой груди,—
Пластала бы я твои груди белыя,
Доставала бы твое сердце со печенью,
И не спросила бы ни батюшка, ни матушки,
Ни твоего роду и ни племени».

Берет свой нож булатный во белы руки,
Заносил он ручку правую выше головы
И спустить ю хочет ниже пояса.
Права рученька его в плече застоялася,
Во ясных очах свет помущается,
Стал у паленицы выпрашивать:
«Скажи-ка мне, паленица, попроведай-ка,
Ты с коей земли, да ты с коей Литвы,
Как паленицу именем зовут,
Звеличают удалую по отечеству?»
Говорила паленица и заплакала:
«Ай же, удаленький дородный добрый молодец!
Есть-то я из темной орды, хороброй Литвы,
Есть-то я вдовина дочь¹¹;
У меня была матушка колачница,
Калачи пекла, поторговывала,
Тым меня и воспитывала;
И я возросла до полного до возраста,
Имею силу великую в могучих плечах;
Избирала я коня богатырского,
И послала меня матушка
На славну на святую Русь
Попроведати про батюшка».
Старый казак Илья Муромец
Скорешенько соскочит со белых со грудей,
Берет ю за ручушки за белыя
И за нея за перстни за злаченные,
Становил-то ю да на резвы ноги,
Целовал он ю во уста во сахарния
И говорил он с ней таковы слова:
«Жил я в хороброй Литвы
По три году поры-времени,
Выхаживал дани-выходы от князя Владимира,
И жил я у твоей родителя-у-матушки,
Спал я на кровати на тесовыя,
На той на перинке на пуховой,
У неё у самой на правой ручке».
И называл ю дочерью себе любимую.

Оны сели на добрых коней богатырских,

И поехали по славну по раздольицу чисту полю,
И в раздольице чистом поле разъехались.
Старый казак Илья Муромец
После бою, после драки великия
Пораздернул шатер беленький полóтняный,
Лег он спать да прохлаждатися.
А паленица-то удалая,
Она ездит во чистом поле,
Сама она да и пораздумалась:
«Хоть я ездила на матушку святую Русь,
То я сделала насмешку на святой Руси:
Он назвал мою-то матку б.....,
А меня-то назвал вы.....й.
А поеду я ко городу ко Киеву
И наеду я богáтыря в чистом поле,
Убью-то я богатыря в чистом поле,
Не спущу этой насмешки на святой Руси».
Подъезжает к шатру беленькому полотняну,
Бьет она рогатиной звериной по белу шатру
Со всея со силы богатырския.
Оглетел-то шатер беленькой в чистó поле:
Спит Илья Муромец, высыпается,
Не прохватится ото сна богатырского.
Ревет-то его добрый конь, бурушко косматенький,
Бьет во матушку во сыру землю
Правою ногою переднею:
Мать сына земля подрыгивает,
Илья Муромец, он спит не прохватится,
Над собой невзгодушки не ведает.
Эта паленичища удалая
Бьет рогатиной звериною по его белóй груди;
У Ильи-то чуден крест на вороте,
Не малый крест — полтора пудá.
Пробудился он от звона от крестового,
Скинул [12](#) свои очи ясные:
Стоит паленичища на добром коне
Над верхом как сильна гора,
И бьет его рогатиной звериной по белóй груди;
Скорешенько скочил Илья на резвы ноги,

Схватил он паленицу за желты кудри,
Здынул он паленицу выше головы,
Спустил он паленицу о сыру землю,
Спустил он паленицу, выговаривал:
«Не твой-то кус, да не тебе-то есть
И не тебе убить Илью Муромца!»
Ступил он паленицы на леву ногу
И подернул паленицу за праву ногу;
Он ю на двое порбзорвал.
Первую частиночку рубил он на мелкі куски
И рыл он по раздольицу чисту полю,
Кормил эту частиночку серым волкам:
А другую частиночку рубил он на мелкі куски,
Рыл он по раздольицу чисту полю,
Кормил он частиночку черным воронам.
Тут паленицы и славу поют.

(Записано П. Н. Рыбниковым со слов Рябинина Т. Г.)

Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2, т. 1, Москва, 1909.

1 Меч.

2 Дополнено тем же певцом в другой раз:

«Думает думушку крепкую:
Как бы нам сохранить стольно Киев-град,
И как бы нам оберечь камена Москва,
И как бы нам сохранить святая Русь,
Чтоб не ездили татары на святой Руси,
Не побивали б мужичков святорусьских. Ред.

3 Из-за.

4 Стихи 53-77 имели в другой раз у Рябинина такой вариант:

«Нам кого послать в раздольице чисто поле?
Послать молода Алешеньку Поповича:
Так Алеша силой не силен,
Силой не силен, напуском смел;
Убьет его паленичище удалое,
Не будет богатыря на Святой Руси.
Послать молода Добрынюшку Никитинца:

Силушка в Добрынюшке великая,
И собой Добрыня очень обворотистый,
Столько Добрыня напуском застойсливый,
Застойсливый и задумливый». *Ред.*

5 По маковке. *Б.*

6 Бедру.

7 Из последующих слов паленицы видно, что она, в случае победы, никак не стала бы спрашивать об имени и отчестве побежденного; поэтому я эти четыре стиха почитаю вставными. (*П. Н. Рыбников*)

8 Проповеда, поведай. *Б.*

9 Хрыч. *Б.*

10 Легко. *Б.*

11 И Ванька — «Удовкин», т. е. вдовин сын.

12 Вскинул.